

Саливон Сергей Сергеевич, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин, криминологии и уголовно-исполнительного права Университета международного права и экономики имени А.С. Грибоедова, Россия, Москва

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ КРЕДИТОРОВ, ТРЕБОВАНИЯ КОТОРЫХ ОБЕСПЕЧЕНЫ ЗАЛОГОМ ИМУЩЕСТВА ДОЛЖНИКА

Аннотация. В статье исследуются особенности правового положения кредиторов, требования которых обеспечены залогом имущества должника, с акцентом на системную связь статей 18.1 и 138 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». Показано, что специальный статус залогового кредитора строится на сочетании имущественного приоритета, ограниченного участия в коллективном волеобразовании кредиторов, особого порядка обращения взыскания на предмет залога в реабилитационных и ликвидационных процедурах. Отдельное внимание уделено судебной практике об оспаривании платежей в пользу залогодержателя и определению пределов допустимого предпочтения в деле о банкротстве. На этой основе обоснован вывод о том, что действующая модель в целом сохраняет уравновешенность интересов участников процедуры. Однако она нуждается в точечной корректировке в части распределения выручки от реализации предмета залога и процессуальных возможностей обеспеченного кредитора.

Ключевые слова: банкротство; залоговый кредитор; конкурсное производство; несостоятельность; оспаривание сделок.

Abstract. The article examines the specific features of the legal status of creditors whose claims are secured by a pledge of the debtor's property, with an emphasis on the systemic connection between Articles 18.1 and 138 of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)." It is demonstrated that the special status of a

secured creditor is built upon a combination of property priority, limited participation in the collective decision-making of creditors, and a specific procedure for foreclosing on the collateral in rehabilitation and liquidation proceedings. Particular attention is paid to judicial practice regarding the challenging of payments in favor of the pledgee and the determination of the limits of permissible preference in a bankruptcy case. On this basis, the conclusion is substantiated that the current model generally maintains a balance of interests among the participants in the proceedings. However, it requires targeted adjustments regarding the distribution of proceeds from the sale of the collateral and the procedural capabilities of the secured creditor.

Keywords: bankruptcy, secured creditor, receivership, insolvency, avoidance of transactions

В современных макроэкономических реалиях институт несостоятельности (банкротства) продолжает оставаться одним из ключевых механизмов санации рыночной среды и защиты законных интересов участников гражданского оборота. По существу, обеспечение справедливого баланса противоположных интересов самого должника, который находится в состоянии финансового краха, и его многочисленных контрагентов является фундаментальной задачей правоприменительной практики и законодательной ветви власти. Особое, привилегированное место в сложной и многоуровневой системе кредиторских требований занимают те, которые обеспечены залогом имущества.

Как представляется, залог традиционно и исторически выступает в качестве наиболее надежного, проверенного временем способа обеспечения исполнения взятых обязательств, сводящим к минимуму кредитные и инвестиционные риски. Между тем, при переходе хозяйствующего субъекта-должника в состояние банкротства правовой статус залогодержателя претерпевает существенные, а порой, и драматические трансформации, жестко подчиняясь императивным нормам Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Впрочем, несмотря на весьма

детальную и объемную регламентацию данных процедур, в практической плоскости регулярно возникают правовые коллизии, напрямую связанные с реализацией обремененного залогом актива и последующим распределением вырученных денежных средств. Видимо, существующая правовая модель требует постоянного, непрерывного доктринального осмысления, поскольку статистика удовлетворения требований свидетельствует о сохраняющейся диспропорции в защите прав различных категорий взыскателей [5]. В связи с этим отметим, что глубокое, разностороннее исследование особенностей правового положения залогового кредитора в наши дни приобретает весьма высокую степень научной и практической значимости.

Основополагающим нормативным стержнем, конструирующим правовой режим рассматриваемой категории субъектов, служит статья 18.1 127-ФЗ. По существу, указанная норма закладывает фундаментальный принцип иммунитета предмета залога на начальных этапах банкротства: с даты введения процедуры наблюдения обращение взыскания на заложенный актив, в том числе, во внесудебном порядке, категорически не допускается. Законодатель намеренно замораживает статус-кво, предоставляя должнику «передышку» для возможного восстановления платежеспособности. Одновременно с этим, пункт 4 статьи 18.1 жестко ограничивает самого банкрота в праве распоряжаться обремененным имуществом – отчуждение, передача в аренду либо безвозмездное пользование возможны исключительно с письменного согласия залогового кредитора. Вероятно, описываемая правовая конструкция призвана предотвратить вывод ликвидных активов и защитить имущественные интересы обеспеченного кредитора от недобросовестных действий бенефициаров компании в транзитный период. В сопоставлении с более ранними подходами, актуальная редакция закона демонстрирует явный крен в сторону усиления охранительных механизмов, благодаря которым гарантируется сохранность предмета залога [1, 4].

Между тем, специфика правового регулирования, заложенная в статье 18.1 Закона о банкротстве, наиболее рельефно проявляется в ходе

реабилитационных процедур – финансового оздоровления, внешнего управления. Согласно действующим предписаниям, конкурсный кредитор по обеспеченным обязательствам вправе ходатайствовать перед арбитражным судом об обращении взыскания на имущество только в двух строго оговоренных случаях: если это не приведет к невозможности восстановления платежеспособности должника, либо если существует реальный риск повреждения, гибели или существенного снижения стоимости такого актива. По-видимому, бремя доказывания невозможности финансового оздоровления при изъятии залога вполне обоснованно возлагается на самую несостоятельную организацию. Помимо этого, закон предоставляет залогодержателю уникальное право направить арбитражному управляющему заявление об отказе от реализации предмета залога на данных стадиях. С учетом этого отметим, что подобный отказ автоматически восстанавливает право голоса такого кредитора на собраниях до завершения текущей процедуры. Описываемый механизм, по сути, представляет собой сложный компромисс: субъект добровольно жертвует быстрым удовлетворением своих материальных претензий ради получения корпоративного контроля над ходом реабилитации [3, 4]. Разумно предположить, что на фоне нестабильной рыночной конъюнктуры кредиторы будут все чаще прибегать к анализируемому инструменту, стремясь влиять на стратегические решения менеджмента, а не довольствоваться принудительной распродажей активов на стагнирующем рынке.

Переход несостоятельного субъекта в финальную, ликвидационную стадию конкурсного производства весомо меняет вектор правового регулирования, переводя фокус с сохранения имущества на его скорейшую реализацию, распределение выручки. В отличие от предыдущих этапов, здесь начинает действовать специальная норма – статья 138 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», которая детально регламентирует квотирование денежных средств. Российский законодатель наделяет обеспеченных кредиторов эксклюзивными правами при определении начальной продажной цены и утверждении порядка продажи предмета залога. Специфика

статуса ярко выражается в особом порядке удовлетворения: залогодержатель получает 70% или 80% (если обязательство вытекает из кредитного договора) средств от реализации обремененного актива. Оставшиеся 20-30% выручки императивно резервируются для погашения требований кредиторов первой и второй очередей, а также на покрытие судебных расходов, выплату законного вознаграждения арбитражному управляющему [1, 3, 5]. На основании отмеченного подчеркнем, что данный алгоритм выступает в качестве выверенного компромисса между абсолютным приоритетом обеспеченного взыскателя и социальными обязательствами банкрота перед уязвимыми категориями граждан.

Анализ актуальной судебной практики Верховного Суда Российской Федерации демонстрирует поступательную эволюцию доктринальных подходов к защите залоговых кредиторов. В частности, весьма значительный пласт арбитражных споров неизменно связан с оспариванием преференциальных платежей, совершенных должником в пользу залогодержателя в преддверии объективного банкротства. Высшие судебные инстанции последовательно исходят из принципа, что сделка с обеспеченным субъектом может быть признана недействительной как сделка с явным предпочтением исключительно в том случае, если этот субъект де-факто получил большее удовлетворение, чем ему легитимно причиталось бы по жестким правилам статьи 138 Закона о банкротстве (то есть, сверх установленного лимита в 70% или 80%). Впрочем, в судебных актах последних лет наметилась однозначная тенденция к концептуальному разграничению классического гражданского залога и так называемого «налогового залога» (он возникает вследствие ареста имущества фискальными органами). Подход некоторых нижестоящих судов о сохранении в банкротстве приоритетного эффекта административного ареста вступает в прямое противоречие с конституционным принципом равного отношения к независимым взыскателям [2]. Видимо, Верховный Суд РФ целенаправленно стремится пресечь любые ситуации, когда публично-правовые обременения государства необоснованно

девальвируют законные права добросовестных коммерческих банков, которые ранее инвестировали реальный финансовый капитал в бизнес должника.

Таким образом, правовой статус залогового кредитора представляет собой сложный межотраслевой феномен. Он перманентно балансирует на тонкой грани классического гражданского и специализированного конкурсного права, требуя от законодателя филигранной юридической точности. Анализ положений статей 18.1 и 138 Закона о банкротстве показывает, что установленный приоритет служит экономически обоснованной компенсацией за колоссальные предпринимательские риски. Однако, по-видимому, существующий нормативный инструментарий замораживания залога и жесткие алгоритмы распределения денежных средств объективно нуждаются в точечной модернизации. В связи с этим, нами предлагается ряд конкретных рекомендаций по усовершенствованию действующего законодательства о несостоятельности.

Во-первых, целесообразно внедрить адаптивную шкалу квотирования: при отсутствии кредиторов приоритетных очередей следует автоматически увеличивать долю залогодержателя с 70% до 85%. Назначение описываемой превентивной меры состоит в серьезном сокращении транзакционных издержек, существенном ускорении финальных расчетов с взыскателями. Во-вторых, как представляется, следует императивно закрепить за обеспеченными кредиторами неотъемлемое право совещательного голоса по вопросам реализации иного имущества должника. Данная новация эффективно решит проблему искусственного информационного вакуума кредитора, финансовые требования которого не покрываются стоимостью залога. Практическое внедрение озвученных предложений положительным образом скажется на повышении транспарентности процедур и усилении инвестиционной привлекательности обеспечительных механизмов в российской экономике.

Список литературы

1. Березовская А.Е. Вариативность действий залоговых кредиторов в процедурах банкротства // Российский научный вестник. 2025. № 7. С. 75-79.

2. Кассация: чтобы оспорить платеж залоговому кредитору, надо четко обосновать предпочтение // URL: <https://probankrotstvo.ru/news/kassaciia-ctoby-osporit-platez-zalogovomu-kreditoru-nado-cetko-obosnovat-predpocnenie-8974> (дата обращения: 24.03.2026).

3. Кудрявцева О.В. Ограничение прав залогодержателя в деле о несостоятельности: анализ судебной практики // Вестник арбитражной практики. 2022. № 5 (102). С. 80-88.

4. Микаилов Р.В. Правовые конструкции, влияющие на удовлетворение требований залоговых кредиторов в деле о банкротстве застройщика // Право и управление. 2024. № 8. С. 310-312.

5. Стадченко А.В. Обеспечение баланса прав кредиторов при применении судами пункта 6 статьи 138 Закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 4. С. 41-43.

References

1. Berezovskaya A.E. Variability of actions of secured creditors in bankruptcy procedures // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 7. P. 75-79.

2. Cassation: to challenge a payment to a secured creditor, preference must be clearly justified // URL: <https://probankrotstvo.ru/news/kassaciia-ctoby-osporit-platez-zalogovomu-kreditoru-nado-cetko-obosnovat-predpocnenie-8974> (accessed: 24.03.2026).

3. Kudryavtseva O.V. Restriction of the rights of the pledgee in an insolvency case: analysis of judicial practice // Bulletin of Arbitration Practice. 2022. No. 5 (102). P. 80-88.

4. Mikailov R.V. Legal constructions affecting the satisfaction of the claims of secured creditors in the bankruptcy case of a developer // Law and Management. 2024. No. 8. P. 310-312.

5. Stadchenko A.V. Ensuring the balance of creditors' rights in the application by courts of paragraph 6 of Article 138 of the Law "On Insolvency (Bankruptcy)" // Arbitration and Civil Procedure. 2022. No. 4. P. 41-43.